

УДК 141

Скептические идеи в контексте анализа феномена рациональности

Ходыкин Владимир Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»,
Самарский государственный технический университет
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: vkhodykin@yandex.ru

Шелекета Владислав Олегович

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»,
Самарский государственный технический университет
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: vladshelo@mail.ru

Зайцева Наталья Валентиновна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»,
Самарский государственный технический университет
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: zajzeva.natalia2012@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется проблемное поле рациональности на фоне активного развития гуманистических идей. Основным примером обозначенной проблематики в эпоху Ренессанса выступает требование, уходящее своими корнями в античное и средневековое прошлое, о необходимости соотносить с доводами разума любые суждения, особенно те, которые получили широкое распространение и завладели общественным сознанием. Одним из наиболее ярких авторов в указанном контексте исследований выступает М. Монтень и его известная книга «Опыты». В работе обсуждается магистральная линия данного произведения, заключающаяся в том, что оценка реальности лишь силой рефлексии без опоры на авторитетное мнение делает наши суждения о мире существенно отличающимися от давно устоявшихся и приобретших статус авторитетных в обществе.

На основе привлечения обширных свидетельств из цитат Монтеня в статье демонстрируется, что на исходе Средневековья исходным пунктом анализа рациональности в философии выступает методологический скептицизм с характерной ему интенциональностью и утверждением принципиальной познаваемости мира всеобщим развивающимся человеческим разумом. Это явилось основой для возникновения

исследовательского дискурса, основанного на свободной и детальной аргументации как основы для развития научно-философского дискурса.

Для цитирования в научных исследованиях

Ходыкин В.В., Шелекета В.О., Зайцева Н.В. Скептические идеи в контексте анализа феномена рациональности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 9А. С. 23-33.

Ключевые слова

Разум, рациональность, истина, дискурс, мировоззрение, скептицизм, сомнение, вера.

Введение

Гуманистические идеи Ренессанса осуществляют разворот философского сознания в проблемный контекст античного разума. Имеются основания констатировать, что античный разум софистов как всеобщей меры эволюционирует в разум венца творения эпохи Ренессанса. Стремительное возведение рефлексующего разума в центр мироздания порождает веру в бесконечные познавательные возможности человека, касающиеся познания окружающего его мира. Все это способствует постановке новых фундаментальных вопросов и побуждает рефлексующий разум к поиску необходимых ответов.

Материалы и методы исследования

Одним из наиболее значимых образцов скептического направления мысли этой исторической эпохи можно считать знаменитые «Опыты» Мишеля Монтеня. Мыслитель вполне закономерно полагает, что человеческое мировоззрение изначально лимитируется местом проживания и, конечно, определенным промежутком времени, в течение которого протекает познавательный процесс. Таким образом, установившаяся здесь и сейчас совокупность идейных ориентиров, норм, правил организации различных аспектов коллективного и индивидуального бытия становится в нашем сознании наиболее привычным критерием всего разумного и правильного. Ставший привычным за долгие годы образ жизни в результате становится для отдельного человека и различных социальных групп определяющим. Именно мысли становятся для Монтеня отправной точкой для более сложных концептуальных построений.

Согласно позиции Монтеня, совершенство привычных нам аспектов организации жизни ранее очень часто базировалось на доверии к авторитету сверхъестественной силы. На данном основании в индивидуальном и коллективном сознании вырабатывалась довольно распространенная точка зрения о нашей приверженности общепринятым взглядам и установкам, поскольку они прошли проверку временем, став естественным воплощением справедливости. В действительности же, как замечает Монтень, данные установки являют собой воплощение истины и справедливости лишь потому, что они общеприняты в каком-то отдельно рассматриваемом обществе.

В данном случае автор ссылается даже на идеи Жана Таюро в книге «Диалоги, не менее полезные, чем забавные». Этот мыслитель привлекает внимание Монтеня своей приверженностью в процессе рефлексии исключительно к доводам разума. Это обстоятельство позволяет Таюро искренне сожалеть по поводу позиции его современников в данном вопросе.

По его мнению, некоторые даже не имеют полного представления о всей ценности и силе разума в исследовательском процессе. Это объясняет их более сильную склонность «... верить <...> утверждениям, принятым на веру, чем признать посредством разума то, что всего ближе к истине». По этой причине автор скорее считает нужным «говорить и мыслить так, как <...> человек, обладающий здравым смыслом, нежели заблуждаться вместе с многочисленными невеждами» [Busson, 1957, с. 396-397]. Мыслитель в данной связи выступает с призывом полностью отказаться от любых утверждений, никак не подкрепленных доводами разума.

Монтень в своих «Опытах» указывает на имеющиеся ограничения в виде общепринятых установок, норм, правил в массовом сознании, с которыми постоянно приходится сталкиваться рефлексирующему разуму. По словам мыслителя, присутствие интересующего нас феномена рациональности в философском сознании неизбежно соседствует с множеством обычаев, верований, законов, норм, правил, мер принуждения и поощрения. По этой причине Монтень постоянно со страниц своего трактата взывает к необходимости полной свободы для доводов разума в процессе познания. В данной связи, подавляющее большинство историков философии соответствующего профиля говорят о рационализме Монтеня. Настойчивые призывы данного мыслителя выводить исследовательский дискурс в любом проблемном поле на суд разума дает основание считать его непосредственным провозвестником классического рационализма Р. Декарта [Монтень, 1958, с. 81].

Монтень предлагает взвешивать на весах разума любые суждения, особенно получившие широкое распространение и завладевшие общественным сознанием. Любопытно и то, что подобного детального критического анализа такие суждения как правило не выдерживают. И это при том, что они вызывают глубокое уважение к себе, как к чему-то древнему, прошедшему многократную проверку временем. Однако, по мнению Монтеня, такие суждения в древности не были столь авторитетными и не пользовались такой поддержкой. По этой причине нет ничего необычного в том, что, когда мы все оцениваем силой рефлексии разума без упований на авторитетное мнение, наши суждения становятся в существенной мере отличающимися от давно устоявшихся в обществе. По сути, такова магистральная нить в трактате «Опыты». Здесь Монтень указывает на недопустимость принятия за истинные суждения, базирующиеся на авторитете со стороны общественного мнения. Необходимо всегда придерживаться именно выводов рационального анализа.

Многие тезисы, имеющие широкую поддержку в общественном сознании очень часто в процессе их детального исследования, оказываются совсем не убедительными или вовсе не соответствующими действительности. В таких ситуациях, по мнению Монтеня, следуя доводам разума, нам нужно быть готовыми к существенным метаморфозам в глубинах нашего сознания. «Кто пожелает отделаться от всемогущих предрассудков обычая, тот обнаружит немало положений, которые <...> не вызывают сомнения, но <...> и не имеют никакой опоры, кроме <...> давно укоренившихся представлений. <...> сопоставив их с истиной и разумом, такой человек почувствует, что, хотя прежние суждения его полетели кувырком, все же почва под ногами у него стала тверже» [Монтень, 1958, с. 219]. Скептический рационализм в противоположность иррационализму у Монтеня в результате отражается столь же отчетливо, как и у многих других представителей данного направления в рефлексии эпохи Ренессанса.

Монтень берет на вооружение у Секста Эмпирика традицию деления философских учений относительно поиска истины на три основных направления. Во-первых, догматики полагают, что они однажды уже нашли истину. Во-вторых, академики уверены в том, что истины достичь невозможно. И, наконец, в-третьих, пирронизм в процессе поиска истины заявляет, что вопрос

о том, можно ли ее достичь, остается открытым. Первые два направления философски аргументированно подвергает критике, а последний, наоборот, обосновывает и поддерживает. В частности, он полагает, что в случае, когда множеству людей, «следующих либо обычаю <...>, либо наставлениям <...> разрешается быть рабами внушенных им воззрений, то почему пирроникам нельзя разрешить воспользоваться свободой и рассматривать вещи без какого бы то ни было обязательства и рабства?» [Монтень, 1958, с. 232].

Для защиты ключевых тезисов скептиков относительно недоказанности истинности получаемых знаний также осуществляется ссылка на то, что познаваемые нами естественнонаучные законы представляют собой только законы *нашего мира*. При этом, явно опираясь на доводы Лукреция, Монтень утверждает, что «ни в чем другом твой разум не опирается на большее правдоподобие и на более веские основания, нежели тогда, когда он убеждает тебя в существовании множества миров <...>, поскольку в мироздании, которое мы наблюдаем, нет ни одного предмета, существующего в единственном числе» [Там же, с. 261-262].

И в то же самое время наиболее серьезная критика в адрес философского сообщества со стороны М. Монтеня заключается в том, что там декларируются в качестве несомненных истин гипотезы, основанные не на детальном самостоятельном анализе фактов, а на так называемых авторитетных аргументах, пользующихся абсолютным доверием. Если указанные аргументы принимать полностью без какого-либо системного анализа, то в исследовательском сознании автоматически возникнет иллюзия полного решения какого-либо вопроса. Более того, соответствующим образом будут предreshены и все потенциальные выводы, которые чисто логически должны следовать из подобного рода авторитетных аргументов.

Подобный ход рассуждений лишний раз убеждает Монтеня в необходимости осуществления всестороннего анализа всех – без каких-либо исключений – выдвигаемых тезисов и аргументов, сколь авторитетными бы ни были их источники. На данном основании автор утверждает, что любое утверждение или его отрицание будут в равной степени правдоподобными в случае, если рефлексивный разум в процессе исследования не сможет установить четких различий между ними. При этом, по мнению философа, изначально нужно отдавать на суд разума именно тезисы и аргументы самого общего характера. Ведь именно они в большей степени затуманивают и парализуют разум исследователя. Далее Монтень утверждает, что у нас, собственно, и нет четких представлений о том, что являются собой наше сознание, аргументируя данный тезис наличием в истории мировой мысли самых различных и порой противоречащих друг другу позиций отдельных философов, школ и направлений по этой проблеме.

Надо сказать еще и о том, что в исследованиях в области истории философии относительно сущности монтеневского скептицизма пока не сложилось однозначной позиции. В частности, можно выделить пессимистичные высказывания со стороны Э. Калло, Ж.-И. Пуайу, А.Ф. Лосева, которые полагают, что результатом скептических интенций М. Монтеня выступает полный крах всякого научного познания с последующим элиминированием понятия истины. Французский философ обвиняется в данном случае в том, что лишает нас каких-либо надежд на обретение хотя бы в отдаленном будущем достоверных знаний об окружающем мире. Словом, рассматриваемый нами скептицизм чуть ли не ставит полный крест на развитии науки.

Вместе с тем Монтень, дает и апологию разуму, говоря о необходимости свободы для него от всевозможных общепринятых авторитетных установок. Философ восхищается развитием разума в процессе развития рефлексии, начиная с античной эпохи. Тем самым мыслитель

активно демонстрирует свое принципиальное размежевание на концептуальном уровне, как с агностицизмом, так и с антиинтеллектуализмом в целом. Можно заключить, что критика монтеневского скептицизма с агностической позиции никак не может быть оправданной в полной мере.

Обсуждения и результаты

Подобного рода апология рациональности, конечно, наводит исследователей на осознание того, что наш интеллект пока еще не может освоить все аспекты бытия. Но, безусловно, исследовательскому разуму подвластна существенная часть мироздания, которая вплоть до настоящего времени выступает заметной границей человеческого рефлексивного и когнитивного потенциала. И в то же самое время Монтень осознает невозможность установки такого рода границ для разума в долгосрочной перспективе. Философ четко осознает, с каким динамизмом развивается человеческий разум. Другими словами, если разуму исследователя уже удалось освоить многие аспекты окружающего мира, то со всей неизбежностью следует ожидать подобных успехов и далее. Но само по себе развитие дискурса в ходе исследовательского процесса, наличие различных концептуальных подходов, полемика между ними, смена одних устоявшихся парадигм другими со всей наглядностью демонстрируют неизбежность ошибок и заблуждений в наблюдениях и измерениях. Отсюда в процессе поиска истины и вытекает необходимость многократных перепроверок, а также детального исследования в расширенном формате.

Больше конкретики можно обнаружить у М. Монтеня в его позиции относительно чувственного познания. Мыслитель в данном контексте демонстрирует серьёзные различия между субъективистской концепцией Протагора, сенсуализмом Эпикура и рационализмом Платона. В субъективизме Протагора констатируется истинность соответствующего посыла для каждого познающего, заключающаяся в том, что конкретно ему кажется. Для эпикурейского сенсуализма характерным выступает основание истинных знаний на ощущениях. И, наконец, рационализм Платона предполагает поиск истины не в ощущениях, а в мышлении. Монтень в данном случае явное предпочтение отдает именно сенсуалистской позиции: «Всякое познание пролагает себе путь в нас через чувства... Знание с них начинается и ими завершается. <...> Это основа, это принцип, на котором зиждется все здание нашей науки» [Монтень, 1958, с. 355].

Правда, в процессе развития данной мысли Монтень последовательно излагает все имеющиеся у него необходимые аргументы, оспаривающие достоверность ощущений. В данном контексте имеются в виду указания на недостатки возможностей у наших органов чувств, неизбежное наличие оптических, акустических, осязательных ошибок и следующих за ними заблуждений. Мыслитель уточняет при этом, что процесс восприятия не позволяет нам соприкоснуться непосредственно с объектами внешнего мира. Восприятие объектов внешнего мира осуществляется субъектом посредством органов чувств, которые содержат в себе не внешние предметы, а именно свои собственные впечатления. При этом справедливо замечается, что впечатление и вызвавший его внешний объект не следует отождествлять. Хотя, конечно, всегда имеется сходство между нашими восприятиями и вызывающими их объектами внешнего мира.

В данном случае, как справедливо отмечает Монтень, не общаясь самым непосредственным образом с этими объектами, мы едва ли сможем выявить подобное сходство. Ведь любой «человек, не знающий Сократа, увидев его портрет, не может сказать, что он похож на Сократа»

[Монтень, 1958, с. 375]. Для полноценной проверки на истинность осведомляющих разум исследователя ощущений относительно наблюдаемого им объекта действительности, важно иметь соответствующий инструментарий. Последний должен в идеале обеспечивать возможность для субъекта осуществить указанную проверку. Однако потенциал данного инструментария также нуждается в проверке со стороны исследователя. Последний должен быть уверен в его пригодности для выполнения исследовательских задач. Для проверки данного инструментария возникает необходимость в новом аппарате, который позволил бы проверить исследовательский потенциал первого относительно надежности показаний со стороны ощущений субъекта. В целях проверки второго инструментария возникает необходимость в третьем, четвертом, пятом... Подобным образом, согласно ключевой установке античного скептицизма, можно продолжать вплоть до бесконечности.

В данном контексте приведем еще один важный контраргумент относительно ощущений заключающийся в том, что все ощущаемое и все ощущающие находятся в состоянии постоянных изменений. Изменения происходят во внутреннем контуре, на структурном уровне, и внешне, на уровне перемещений объектов относительно друг друга. Отсюда вытекает изменчивость и ненадежность получаемой субъектом в ощущениях информации. Следовательно, разум исследователя постоянно должен учитывать возможность ошибок, риски впасть в разного рода заблуждения. В процессе содержательной критики эпикурейской и стоицистской традиций доверия к органам чувств, автор «Апологии» утверждает: «Если верно то, что <...> в случае ложности сообщаемого ощущениями у нас нет никаких знаний; и если верно <...>, что сообщаемое ощущениями настолько ложно, что не может дать никакого знания, то мы заключаем <...>, что знания вовсе не существует» [Монтень, 1958, с. 362].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает тот факт, что приводимые аргументы являются следствием рефлексии разума человека и неутомимой эвристической жадности. Ценности и доверия идеям Монтеня добавляет постоянная потребность с его стороны в непредубежденном рациональном исследовании действительности, детальном анализе интересующих его проблем и систематическом поиске их решений. Собственно, все это и выступает основным источником, наполняющим жизнь мыслителя необходимым содержанием. Важным следствием подобной рефлексивной жадности становится для Монтеня формирование в его сознании четких убеждений, в полной мере отражающих специфику культурно-исторической эпохи, ярким представителем которой данный мыслитель, безусловно, является.

М. Монтень откровенно признается, что «...самыми прочными и самыми существенными мыслями оказываются те, которые, <...>, родились вместе со мной: они естественны, они целиком мои» [Монтень, 1958, с. 67]. Дальнейший ход размышлений только укрепил философа в подобных утверждениях. В качестве необходимых обоснований мыслитель активно опирался на позицию античных предшественников, проявляя активный интерес к их богатому наследию. Философ проявляет особое уважение к наличию в исследовательском сознании стремлений постоянной жадности поиска истины, какой бы она ни оказалась по отношению к субъективным убеждениям. Подобные интенции, по мнению Монтеня, формируют у субъекта вольный склад мышления, что не позволяет его разуму мириться с попытками подчинения своих идей какой-либо внешней воле или интересам со стороны. Таким образом, свободолюбивый разум с постоянными эвристическими интенциями, пожалуй, представляют ключевую ценность для Монтеня.

В качестве следствия уже сказанного выше важно отметить особую значимость для монтеневского скептицизма исследовательского дискурса, основанного на свободной и

детальной аргументации всех приводимых тезисов. Закономерно то, что каждое противоречие в исследовательском процессе в данной концептуальной традиции вызывает неподдельный интерес. Именно в процессе детального исследования, в спорах и возражениях появляется подлинная надежда на коллективное обретение истины. Ценность истины при этом не может ни в какой мере зависеть от ее автора или носителя. По мнению философа важно, чтобы истину не навязывали директивно или насильственно. Поэтому скепсис мыслителя не адресуется академической науке, он направляется скорее в адрес всевозможных авторитетов или устоявшихся в исследовательском сознании стереотипов.

Соответственно, упрямство и самоуверенность явно не приветствуются в данной исследовательской традиции. Тогда как разум, наоборот, обеспечивает на регулярной основе недовольство собой и настроенность на продолжение эвристических устремлений в своем сознании. Все это, по мнению Монтеня, способствует формированию критического отношения к каждому результату в познавательном процессе. Без этого, подчеркнём, невозможно получение фактов. Данное обстоятельство в полной мере сохраняет свою ключевую значимость и для современных научных исследований. По мнению философа Ренессанса, возможность проведения подлинных научных исследований следует считать величайшим достижением всей истории человеческой цивилизации. «Я люблю и почитаю знание, <...> При правильном употреблении это самое благородное и могущественное приобретение людей» [Монтень, 1958, с. 41].

Основу рассматриваемой нами скептической традиции составляет именно скепсис в адрес крайних гносеологических концепций. Речь идет о формах гностицизма и агностицизма. Первые утверждают, что познанию человека доступны абсолютно все аспекты мироздания. Вторые, наоборот, выступают за полную недоступность для исследовательского разума объективного истинного знания во всех аспектах бытия. При этом позиция агностиков, по мнению Монтеня, оказывается прямым следствием вполне закономерного ответа на самоуверенность абсолютного крайнего гностицизма. «Высокомерие тех, которые приписывали человеческому разуму всемогущество, вызвало из досады и чувства противоречия у других мнение, что он бессилён: одни в отрицании (достижимости) знания доходят до такой же крайности, как другие в его утверждении» [Там же, с. 191]. Философ при этом уверен в том, что абсолютно все знание не может быть доступно исследовательскому разуму. Правда, при нашем абстрагировании от всевозможных безосновательных утверждений и стереотипов в процессе изучения только упрямых фактов, разум субъекта способен обрести истинные знания о самых разных аспектах мироздания.

Уход от необоснованных умозрительных конструкций и тотальное устремление к фундаментальной основе фактов становится у французского мыслителя главной интенцией разума в направлении к подлинному научному знанию. Что же касается последнего, то оно должно быть необходимым следствием обоснованных выводов из фактов, постоянно формирующих наш исследовательский опыт. Однако в данном контексте тоже можно обнаружить множество сложностей. Речь идет о том, что на самом деле в процессе научного исследования очень сложно обнаружить абсолютно тождественные друг другу факты. Другими словами, в силу самых разных причин индуктивные заключения на основе эмпирических фактов по отношению ко всем аналогичным фактам в любой иной момент могут быть неточными, неизбежно приводя разум исследователя к разной глубине и степени заблуждениям.

Но, разумеется, по мнению Монтеня, все это отнюдь никак не снижает эвристическую значимость эмпирических данных. «Мы испытываем все средства, какие могут привести нас к

познанию. Если разума оказывается для этого недостаточно, мы прибегаем к опыту... <...> истина – столь великая вещь, что мы не должны пренебрегать ни одним из путей, ведущих к ней» [Там же, с. 231]. Указанные причины говорят нам о необходимости избегать тотальной фокусировки исследовательского разума на постоянном собирании эмпирических фактов. Так будет легче избежать потенциальных ошибочных обобщений на основании эмпирических дедукций. Здесь философ призывает потенциального исследователя максимально критически выявлять наиболее достоверные эмпирические факты. «Недостаточно накапливать опыт, нужно его взвесить и рассортировать, чтобы извлечь те доводы и выводы, которые из него следуют» [Там же, с. 47].

Надо признать при этом, что несмотря на все приведенные выше аргументы встречаются авторы, которые более склонны относить монтеневский скептицизм к агностицизму. В качестве примера можно привести позицию Г. Лансона и Л. Пекхама. Данные авторы полагают, что в монтеневской скептической традиции субъект не познает «ни одной вещи в себе <...> все наши знания <...> суть лишь представления, обусловленные нашей физической и духовной организацией» [Peckham, 1931, с. 260-261]. И это при том, что в «Опытах» явно утверждается: «То, что осталось неизвестным одному веку, разъясняется в следующем столетии <...> Так вот и я не перестаю исследовать <...> то, чего не в состоянии открыть собственными силами; вновь и вновь возвращаясь все к тому же предмету <...>, создавая <...> для других, которые последуют за мной, более благоприятные возможности овладеть им...» [Монтень, 1958, с. 316].

Как видим, вновь и вновь у Монтеня повторяется возможность преодолевать ограниченность когнитивных возможностей со стороны одной исторической эпохи более совершенными познавательными ресурсами другой – более поздней эпохи. Философ постоянно напоминает о возможности наверстать что-то, упущенное предыдущими поколениями. В силу данных обстоятельств возможные лимиты, с которыми в исследовательском процессе встречается наш разум, о чем упоминается в «Апологии», являются всего лишь временным феноменом, присущим конкретному историческому промежутку и его продукту в виде когнитивного потенциала его субъекта как представителя соответствующего поколения. Ярким подтверждением данных слов можно считать позицию Л. М. Кесселя. Данный автор соглашается с М. Монтенем в его идее о поступательном и бесконечном развитии познавательного процесса. Здесь признается безграничный потенциал исследовательского разума, а скептическое «отрицание "вечных истин" отнюдь не исключает суверенного значения познания» [Кессель, 1961, с. 72].

Кстати, подтверждение приверженности Монтеня скептической рефлексивной традиции можно обнаружить и в его третьей книге «Опытов». Здесь мыслитель тоже говорит о преодолении ограниченности возможностей разума отдельных поколений ученых. «Когда мы ограничиваемся тем, чего достигли в погоне за знаниями <...>, то эта удовлетворенность достигнутым вызывается лишь нашей индивидуальной слабостью. <...> Для того, кто вслед за нами займется этим, <...>, всегда остается большое поле исследования и возможность искать для него пути...» [Монтень, 1958, с. 236]. Это естественный процесс, где каждый период в познавательном процессе оказывается всего лишь промежуточным звеном в практически бесконечной единой цепи соответствующих событий. Соответственно, то, что не успевает осуществить предыдущее поколение исследователей, приходится продолжать последующим. Таким образом осуществляется преемственность в передаче научного знания. И в то же самое время осуществляется новаторство, постоянное совершенство ранее полученного знания от своих коллег – предшественников.

Все это свидетельствует о необходимости сохранения полученного знания предыдущих поколений исследователей. Но подобное сохранение вовсе не свидетельствует о целесообразности объявлять такие результаты готового для конкретной исторической эпохи знания конечным результатом. Подобное развитие событий может приводить к догматизму и тормозить исследовательский процесс. Более того, иногда даже прослеживается негативное отношение Монтеня еще и к «эпохе» античных пирроников. Такой ход мысли мыслителя вызван необходимостью апологии с его стороны в адрес науки, которая в своих устремлениях нуждается в эмпирических данных и аналитической рефлексии разума. Некоторые авторы находят у Монтеня даже опору на метод научного познания, связанный с проведением эксперимента. В свою очередь, эксперимент нуждается в определенной схеме или алгоритме приведения соответствующей наглядной аргументации. Формально Монтень придерживается традиции античного пирронизма. Причиной тому можно считать то, что эта традиция в целях подтверждения важного тезиса о равнозначности противоположных тезисов предлагает в процессе дискурса убедительные аргументы как за, так и против того, что вызывало интерес, порождая дополнительные вопросы и критические замечания со стороны аудитории.

Заключение

Обобщая изложенное выше, можно утверждать, что на исходе Средневековья одним из исходных аспектов анализа рациональности в философии выступает методологический скептицизм с характерной ему интенциональностью. Как методологический скептик М. Монтень считал, что человек имеет право на сомнение. Свой принцип универсального скептицизма Монтень выразил в простом вопросе: «Что я знаю?» Развивая данный тезис, философ констатирует, что ни чувственное, ни рациональное познание не дают нам истинного знания, поскольку чувства «сами совершенно недостоверны, <...> а всякое рациональное доказательство нуждается в другом доказательстве – мы, таким образом, обречены на непрерывное движение вспять» [Монтень, 1958, с. 317]. Но, несмотря на такие выводы, мыслитель, тем не менее, не встает на позиции агностицизма, понимая, что подобный логический тупик обусловлен не принципиальной слабостью разума и науки, а сложностью объективного мира и самого развивающегося человеческого познания, способного в грядущем разрешить все встающие перед ним задачи. Именно поэтому философ совершенно справедливо заявляет, что «мы рождены для поисков истины <...> Мир наш только школа, где мы учимся познавать» [Монтень, 1958, с. 186]. Далее он продолжает начатую мысль: «Ни трудности исследования, ни мое бессилие не должны приводить меня в отчаяние, ибо это только мое бессилие» [Там же, с. 269]. Как видим, французский мыслитель не сомневается в принципиальной познаваемости мира всеобщим развивающимся человеческим разумом.

Библиография

1. Кессель Л. М. Монтень и его «Опыты» // Вести, истории мировой культуры. – 1961. – № 1. – С. 61-75.
2. Монтень М. Опыты. Кн. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 654 с.
3. Монтень М. Опыты. Кн. 3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 499 с.
4. Busson H. La rationalisme dans la littérature française de la Renaissance (1533-1601) / Par Henri Busson, prof. ... – Nouv. éd., revue et augm. – Paris: Libr. ... J. Vrin, 1957. – P. 396-398.
5. Suran T. Les esprits directeurs de la pensée française du moyen âge à la Révolution. – P.: «Schleicher frères», 1903. – 234 p.

6. Peckham L. P. G., Lanson G. *Les Essais de Montaigne, Etude et Analyse*. Modern Language Notes // The Johns Hopkins University Press – Vol. 46. – No. 4 (Apr., 1931). – P. 260-262.

Skeptical Ideas in the Context of the Analysis of the Phenomenon of Rationality

Vladimir V. Khodykin

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Samara State Technical University,
443100, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara, Russian Federation;
e-mail: vkhodykin@yandex.ru

Vladislav O. Sheleketa

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Samara State Technical University,
443100, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara, Russian Federation;
e-mail: vladshelo@mail.ru

Natal'ya V. Zaitseva

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Samara State Technical University,
443100, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara, Russian Federation;
e-mail: zajczeva.natalia2012@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the problem field of rationality against the backdrop of the active development of humanistic ideas. The main example of this problem in the Renaissance is the requirement, rooted in ancient and medieval history, to correlate any judgments, especially those that have gained widespread acceptance and captured public consciousness, with the arguments of reason. One of the most prominent authors in this context is M. Montaigne and his famous book "Essays." The work discusses the main line of this work, which is that the assessment of reality solely by the power of reflection without relying on authoritative opinion makes our judgments about the world significantly different from those that have long been established and acquired the status of authoritative in society. Based on extensive evidence from Montaigne's quotes, the article demonstrates that at the end of the Middle Ages, the starting point for the analysis of rationality in philosophy was methodological skepticism with its characteristic intentionality and the assertion of the fundamental knowability of the world by the universal developing human mind. This became the basis for the emergence of a research discourse based on free and detailed argumentation as the foundation for the development of scientific and philosophical discourse.

For citation

Khodykin V.V., Sheleketa V.O., Zaitseva N.V. (2024) Skepticheskie idei v kontekste analiza fenomena ratsional'nosti [Skeptical Ideas in the Context of the Analysis of the Phenomenon of Rationality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (9A), pp. 23-33.

Keywords

Reason, rationality, truth, discourse, worldview, skepticism, doubt, faith.

References

1. Kessel L. M. Montaigne and his "Essays" // Vesti, istorii mirovoi kul'tury. - 1961. - № 1. - P. 61-75.
2. Montaigne M. Essays. Book 2. - M.-L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1958. - 654 p.
3. Montaigne M. Essays. Book 3. - M.-L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1958. - 499 p.
4. Busson H. La rationalisme dans la littérature française de la Renaissance (1533-1601) / Par Henri Busson, prof. ... - Nouv. éd., revue et augm. - Paris: Libr. ... J. Vrin, 1957. - P. 396-398.
5. Suran T. Les esprits directeurs de la pensee francaise du moyen age a la Revolution. - P.: "Schleicher frères", 1903. - 234 p.
6. Peckham L. P. G., Lanson G. Les Essais de Montaigne, Etude et Analyse. Modern Language Notes // The Johns Hopkins University Press - Vol. 46. - No. 4 (Apr., 1931). - P. 260-262.